

Дребезги моей жизни

С актером Театра на Таганке В. ЗОЛОТУХИНЫМ беседует наш корреспондент Р. РЫКОВА.

— Валерий Сергеевич, уже два года о «Таганке» не говорят. Согласитесь, непривычная ситуация...

— Вы хотите спросить: чем будем удивлять?

— Ну что-то вроде этого.

— Хорошо. Возможно, я, а точнее, мой отчаянный поступок нарушит спокойствие. Только это будет поступок не актера, а литератора. Дело в том, что я решился опубликовать часть своих дневниковых записей, связанных с именем Владимира Высоцкого.

Для меня это было непросто, долгое время даже невозможно, но после того, как Марина Влади своей книгой открыла все информационные шлюзы, я рискнул. А отправной точкой саморазрешения стала для меня Эдит Пиаф, я читал о ней все: как она жила с любовниками, как вытаскивала их в люди, как кололась наркотиками через юбку, и все это не мешало мне воспринимать Эдит Пиаф великой певицей. Я подумал, что память о Владимире Высоцком ничуть не потускнеет после моих откровений.

— Звучит интригующе...

— Я, например, пишу, что ни постановка спектакля «Гамлет», ни исполнитель главной роли меня не устраивали, как не устраивало и исполнение Высоцким роли Лопахина в «Вишневом саде». Я понимаю, что, когда это прочитают, скажут: ну, знаешь, мальчик, то, что ты считаешь, никому не интересно... Существуют пленки, существует зритель, который подтвердит, как это было здорово, талантливо!

— Не боитесь навлечь гнев поклонников Высоцкого?

— Поздно бояться. После того как мой невинный рассказ о «Гамлете» в телепередаче Э. Рязанова вызвал шквал ненависти, меня обещали «поставить на ножи», выжечь соляной кислотой глаза и сжечь мой дом «вместе с твоими щенятами» (наверное, имелись в виду мои дети, потому что у меня, кроме кошки, никакой живности в доме нет), могу представить, сколько злобы я хлебнул.

Кстати, напомню, из-за чего тогда разгорелся сыр-бор. Высоцкий в очередной раз уехал и долго отсутствовал, а мы должны были ехать с «Гамлете» на гастроли. Любимов решил подстражоваться и отдал распоряжение репетировать Гамлета мне. Узнав об этом, Володя сказал мне: «Если ты сыграешь Гамлета, в день премьеры я уйду в самый плохой театр». Я отказался. Эту историю рассказал Рязанову, чтобы показать, какой в сущности ребенок был мой друг, а поклонники Высоцкого едва меня не растерзали. Но тем не менее это моя жизнь, жизнь моего театра и моего времени. Словом, то, из чего сложились мои «Дребезги», — так называется книга. В конце октября она выходит в свет.

— Значит, название далеко не случайное?

— Конечно. В книге есть повесть, которая так и называется. Когда-то писать ее меня заставляла моя первая жена — актриса Нина Шацкая. У нас игра такая была: она наливала 100 г водки и не давала ее до тех пор, пока я не сочинял три страницы. Когда появились первые главы, Нина прочитала и сказала: «Все

Фото ТАСС

это «дребезги». Так что название принадлежит Шацкой.

— Помимо «Дребезгов», публиковались и другие ваши повести. У вас не появилось желания вступить в Союз писателей?

— Я даже пробовал это сделать. Надоумил меня Георгий Семенов. Но не приняли. На днях я забрал свое заявление. В общем, теперь стыдно и говорить-то об этом. Мне там намекнули, мол, возраст уже не тот и количество опубликованного не соответствует. Короче, это тоже мои дребезги.

— Валерий Сергеевич, вы человек верующий?

— Да, и часть денег, полученных от продажи книги, будет перечислена на строительство разрушенного храма Покрова Пресвятой Богородицы в моем родном поселке Быстрый Исток Алтайского края. Мой первый взнос составил 10 000 рублей.

Беда ведь заключается еще и в том, что одним из тех, кто разрушал храм, был мой отец.

В 30-е годы вместе с соратниками он раскатал по бревнышку не одну церковь. Мужики в селе мне сказали: вот твой отец, коммунист, сломал, а ты, демократ, восстанови! Справедливо.

— Театр второй год существует без Любимова, который продолжает работать за рубежом. Как вы оцениваете эту ситуацию?

— Ситуация трагическая. Любимов ставит нам ультиматумы, которые вообще не могут иметь место, потому что без него в театре нет работы. Как сказал однажды Губенко, мы — заложники любви к Мастеру, верности Мастеру. От этого не легче ни «Таганке», ни зрителю, ни искусству. Театр не выпускает продукцию, его раздирают противоречия, склоки. «Обиды мешают дело делать», — это говорит Находка в спектакле «Мать». Любимов это понимает, и я понимаю, когда начинаю с ним спорить. Но понимаю и другое: когда он приезжает и начинает репетировать — начинается настоящая работа.

— И на что же вы надеетесь?

— На свой оптимизм. Мастер обещает вернуться в апреле, чтобы репетировать «Подростка» и «Электру». Наконец-то вывесили распределение ролей, в «Подростке» я играю Версилова.

— Как в театре относятся к играющему министру Губенко?

— В моих глазах его рейтинг повысился. Во всяком случае, этот человек — один из немногих, кто конкретно помогает театру уже тем фактом, что он приходит и играет спектакли. А профессионал он высочайший, хотя ситуация играющего министра довольно сложная. Он не всегда может вылететь на гастроли, а иностранные фирмы подписывают с театром контракт, зачастую и под министра. У него конфликт

с Любимовым, потому что Губенко хочет, чтобы Мастер работал дома.

К тому же, с моей точки зрения, за те два года, когда Губенко руководил театром, он сделал для него много. Его настойчивостью, терпением и энергией, когда у всех уже опустились руки, возвращен в страну и на «Таганку» Любимов. Правда, теперь заявляют, что Губенко делал карьеру. Чушь!

— Говорят, многие актеры «Таганки» были на баррикадах у Белого дома, а Филатова даже едва не застрелили.

— Я знаю, кто там был, мне известно только то, что театр находился в отпуске и большинство актеров разъехались по домам отдыха и дачам. Но я люблю легенды и иногда и сам их не прочь сочинить, поэтому легенду про Леню Филатова я обязательно ему расскажу, если он еще ее не знает. А вообще, мне не нравится начавшаяся сразу же после подавления путча кампания под девизом: кто баррикаднее?

— Как складываются у вас отношения с театром — понятно. А с кино?

— Я закончил большую работу в фильме режиссера М. Швейцера «Как живете, караси?». Была такая песня у Галича: «Как живете, караси? Как стучите, караси?». Это страшная фантастмагорическая трагикомедия о том, как полковник КГБ в отставке, завладев архивами КГБ, начинает потихоньку вытаскивать на свет старые дела и рассыпать повестки людям, так или иначе связанным с этой организацией. Такая повестка приходит и моему герою — караско-либералу, когда-то написавшему для КГБ разгромную рецензию на сочинение молодого писателя. И все бы ничего, если бы тот после этого не погиб в лагере...